

А. Г. Гродецкая

Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации

В статье рассматривается ряд историко-культурных реалий в романе «Обломов» с точки зрения их семантических и функциональных особенностей. Социальный и предметный мир текста выступают самооценными носителями культурной памяти, составляя вместе с тем часть общего сюжетного замысла, единого смыслового целого. Тенденция к широкому обобщению, к универсализации и символизации органична для поэтики Гончарова. В персонажной сфере генерализующая тенденция формирует «символические типы» (А. Ф. Лосев), или свертхтипы, в сфере бытовой и вещной возвышает до уровня символа отдельные детали, предметы, бытовые ситуации. Этой тенденцией определяется и общая стратегия деисторизации повествования, создание условного (ахронного) текстового времени, в котором внешняя и внутренняя датировка теряют актуальность в движении сюжета. Большинство социально-исторических реалий в романах Гончарова даются как явления повторяющиеся, ритуализованные, хронологически не конкретизированные. На внутренних структурных повторах, ритмах и циклах выстраивается и архитектоника гончаровского текста. В статье на уровне деталей и микросюжетов демонстрируются разнообразные стратегии, выполняющие функцию деисторизации повествования, включая именование (сигнификация) и не-именование объекта изображения, систему умолчаний в его репрезентации.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обломов», реалии в тексте, научный комментарий, текстовое время, авторские стратегии, символизация, историзация и деисторизация.

Для цитирования: Гродецкая А. Г. Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 43–56. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_43. EDN: DPBРЕK

Реалии любого художественного произведения представляют собой многоуровневую совокупность текстовых элементов – биографических, социально-исторических, общекультурных и этнокультурных, бытовых, мифологических, фольклорных, литературных, антропонимических, топографических, лингвистических, – каждый из которых как носитель культурной памяти может рассматриваться как *текст в тексте*. Большинство историко-культурных реалий в про-

изведениях XIX века нуждается в комментарии прежде всего с точки зрения осмысления их конкретно-эмпирической семантики, во многих случаях архаизированной, вышедшей из социального и языкового обихода. «Именно комментарий, – убеждает современный исследователь, – обеспечивает непрерывность традиции: трансляцию и ретрансляцию культуры. <...> Комментарий <...> не просто консервирует имеющиеся знания, но способствует их приращению, исправляя ошибочное и договаривая недосказанное» [17, с. 39].

Внетекстовая реальность, или *текст эпохи*, в тех или иных формах отраженный в произведении, представляет собой «сложное структурное целое», внутри которого человек, по словам Ю. М. Лотмана, «включен в сложную систему норм и правил <...> чинов и служебных градаций, правил поведения, определяющих деятельность человека как дворянина или купца, чиновника или офицера, петербуржца или провинциала...» [11, с. 294]. И еще одно суждение ученого стоит напомнить: «Каждая “вещь” в тексте, каждое лицо и имя, т. е. все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов. На пересечении этих потенциальных возможностей возникает исключительное богатство трансформаций...» [11, с. 329]. Реалии в тексте, таким образом, нуждаются в осмыслении и в аспекте их функциональной семантики: как части единого смыслового целого они одновременно и подчинены общему сюжетному замыслу, и манифестируют, и формируют этот замысел.

Материалы и методы

Второй роман Гончарова на ранних этапах работы имел, как известно, название «Обломовщина», то есть в сознании автора изначально присутствовала «символическая концепция сущности» (А. Ф. Лосев) изображаемого явления. Основные признаки-атрибуты обломовщины в тексте романа приобрели статус и функции знаков (символов), наделенных изоморфными явлению свойствами. Главным атрибутом обломовщины (всесторонне исследованным, хрестоматийным¹) стал халат Ильи Ильича. Вспомним: «Как шел домашний

¹ Обзор см., например: [16, с. 19–34].

костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него» [4, с. 6]. Любопытно, что в первоначальной редакции первой части романа, на той стадии работы, когда центральный персонаж еще сохранял черты эпикуреизма и гедонизма, функцию халата выполнял шлафрок; ср.: «Обломов прежде, бывало, и дома ходил в щегольском костюме. У него была полная коллекция разных модных шлафроков, домашних сюртуков, красивых туфель. Он, нарядившись в красивый парижский шлафрок, любил полежать на шитой подушке на окне и позевать на соседок, но потом мало-помалу отменил эти затеи и завел себе халат, покойный, поместительный, в каком он является в начале романа» [5, с. 97]. В окончательной редакции «парижский шлафрок» заменил «восточный халат, без малейшего намека на Европу». В оппозитивности халата–шлафрока и халата–сюртука реализуется, что не раз было отмечено, одна из фундаментальных оппозиций романа – европейских и азиатских начал, культурно-менталитетных ценностей. Предметный мир романа, согласно интерпретации Ангелики Молнар, «преобразуется в семантический комплекс. <...> Объяснение сущности (без) действия Обломова не может быть рассказано, оно реализуется только через метафорические высказывания» [15, с. 184].

Тенденция к символизации являет себя в прозе Гончарова последовательно и мощно, что очень хорошо чувствовали символисты. Напомним несколько известных констатаций этого явления. Д. С. Мережковский признавал: «Каждый из характеров, созданных Гончаровым, – идеальное обобщение человеческой природы. Скрытая идея поднимает на недостижимую высоту мелкие подробности быта, делает их прекрасными и ценными. <...> Гончаров разлагает ткань жизни до ее первоначальной клетки, но вместе с тем он обладает могучей способностью творческого синтеза...» [13, с. 201]. Яркую характеристику то же явление получило в статье В. В. Чуйко, писавшего о способности писателя «свести к одному окончательному синтезу всю историческую, государственную

и общественную жизнь определенной эпохи». «...Не о типе, не о личности заботился он, а о символизации обобщающих понятий <...> в гончаровском творчестве все-таки поразительнее всего символизм. Благодаря этому символизму индивидуальные черты его фигур мало-помалу сглаживаются, теряют свои очертания и, вместо живой картины, является <...> аллегорическое изображение философских взглядов автора на смысл русской жизни, на характер ее логики...» [23; с. 285, 288–289]. «Не только типы, но и отдельные сцены в романах Гончарова, – отмечал в 1912 году В. Е. Евгеньев-Максимов, – могут быть истолкованы символически» [12; с. 180–181].

Генерализующая тенденция у Гончарова, направленная на широчайшие обобщения, в персонажной сфере формирует «символические типы» [10; с. 129–136], или сверхтипы, в сфере бытовой и вещной – возвышает до уровня символа отдельные детали, предметы, бытовые ситуации.

Результаты

Рассмотрим ряд текстовых элементов, отличных от символов-атрибутов обломовщины. Их семантика и функции зависят, главным образом, от их именованности (*сигнификации*) [21; с. 10–15, 57, 119] с сопутствующей, как правило, тематизацией имени, или, напротив, продуманного *неименования*. Конкретность и точность (именование) историко-культурных реалий служит *историзации* повествования, актуализируя для исследователя проблему текстового времени, и, напротив, намеренная размытость, неконкретность исторических реалий отражает стратегию *деисторизации* и *универсализации* сюжетных событий и ситуаций.

Во временной сфере генерализующий принцип оформляет условное, ахронное или панхронное текстовое время [8]. При этом речь не идет, разумеется, о полной «свободе от истории» гончаровских сюжетов, поскольку «историчность присуща самому бытию» [14, с. 528].

Время в прозе Гончарова Д. С. Лихачев определил как *нравоописательное*. «Типизация, – писал ученый, – связана с указанием на повторяемость происходящего, она требует обыденности и медленности течения времени» [9, с. 301]. Временная модель Д. С. Лихачева соответствовала модели

бытового времени, предложенной М. М. Бахтиным, который, описывая хронотоп провинциального мещанского городка, или «флоберовскую разновидность» хронотопа, и оговариваясь, что «...созданную, правда, не Флобером», ниже уточнял: «Это обыденно-житейское циклическое бытовое время. Оно знакомо нам в разных вариациях и по Гоголю, и по Тургеневу, по Глебу Успенскому, Щедрину, Чехову. Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями...» [1, с. 396]. Ученый не упомянул в этом ряду Гончарова, поскольку проза последнего в его работе вписана в идиллический хронотоп. Однако бытовое время, описанное Бахтиным, для гончаровской прозы, впитавшей идиллическую топику, также органично. Прочитаем: «Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. <...> Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни “встречи”, ни “разлуки”. Это густое, липкое, ползущее в пространстве время <...> часто оно служит контрастирующим фоном для событийных и энергических временных рядов» [1; с. 396–397].

Специфическая темпоральная организация составляет одну из важнейших особенностей гончаровского романа. Для прозы Тургенева, например, как в свое время отметил Л. В. Пумпянский, характерна «непрерывная датировка, внешняя и внутренняя»; повествование у Тургенева «точно приурочено к определенным датам, причем автор тщательно заботится о консистентной связи этих дат на всем протяжении рассказа; дело сводится, следовательно, к точной внутренней хронологии и календарю» (ученый ссылается на пушкинское примечание к «Евгению Онегину»: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю») [18, с. 444]. Тургеневский герой вообще «не существует вне его исторической функции» [3, с. 91].

В движении сюжета гончаровского романа «внешняя и внутренняя датировка» не актуальны. Начало сюжетного действия в «Обломове», по наблюдению А. Г. Цейтлина, датируется 1843 годом [22; с. 162–164]: «парад гостей» на квартире Ильи

Ильича происходит в субботу, 1-го мая, каждый из пришедших приглашает его в Екатерингоф, куда ежегодно именно в этот день петербургские жители, следуя сложившейся традиции, отправлялись на городское гулянье. Гулянье в данном случае – элемент устоявшегося, ежегодно повторяющегося городского ритуала, и именно в качестве повторяющегося явления оно включается в сюжет романа. В первых же главах возникает, таким образом, знак зеркальности протекания событий в обломовском и петербургском времени, и это один из характерных симметризмов, органичных для архитектоники гончаровского текста. На более глубоком смысловом уровне это знак сближения противоположностей – покоя Обломовки и *суеты* Петербурга. Как одно, так и другое оказываются равно вписанными в жизненный круговорот. Сближение (и снятие) оппозиции *суеты–покоя* с ее напряженно контрастной, именно на контрасте основанной, дифференцирующей семантикой ведет в итоге к обесмысливанию и того, и другого. Подчеркнем, что ритуальность первомайского гулянья, включенного в циклическую временную модель, сама эмпирическая конкретика данного явления нуждается для современного читателя в комментариях, иначе смысловые внутритекстовые «сцепления» от него ускользают.

Приуроченность к конкретной календарной дате (суббота выпала на 1 мая в 1843 году) важна для комментатора (и читателя), но в сюжетном целом она семантически нейтральна. Для развития сюжета актуальна весна как начало сезонного цикла и символический повод к пробуждению Обломова – повод, героем не реализованный. Смена сезонов в сознании главного героя и в его ритуализованном повседневностью быте определяется подчеркнуто бытовыми знаками-символами – необходимостью выставлять вторые рамы и привозом устриц (он «...определял весну привозом устриц и омаров...» [4, с. 183]), т. е. связан с весенним открытием навигации на Неве.

Серединой 1840-х годов датируется и ряд других историко-культурных реалий романа (опубликованного, напомним, в 1859 году). Так, его герои используют ассигнации, полностью изъятые из оборота и замененные кредитными билетами к 1 января 1848 года. Эта подробность также оказывается для

общей авторской интенции несущественной, хотя, несомненно, текстовое время ею в известной степени маркировано. В романе, работа над которым продолжалась десять лет, отразились и явления более позднего времени. В длительности работы Гончарова над текстом можно видеть объяснение сосуществования в нем разновременных элементов.

Большинство социально-исторических реалий в романах Гончарова, и не только в «Обломове», даются как явления устоявшиеся, повторяющиеся, ритуализованные, не привязанные к конкретным датам и событиям. Архитектоника гончаровского текста, не подчиненная хронологии «календаря», выстраивается по иным темпоральным законам и обладает внутренними структурными повторами, ритмами и циклами, чему в специальной литературе уделено значительное внимание [7; 19]. «Повторяемость и круговорот, – пишет, например, А. Молнар, – относятся не только к природному существованию в качестве главного закона жизни в “Сне Обломова”, но также и к построению всего романа» [15, с. 232].

Сюжетное движение в «Обломове», что давно замечено, определяется циклической моделью смены времен года: оно начинается весной, последовательно выстраивается через переход к лету, осени и зиме и затем утрачивает отчетливые сезонные границы в обломовском бытии-пребывании на Выборгской стороне, воссоздающем устойчивый и неизменный круговорот жизни в Обломовке. В первой главе четвертой части читаем: «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя *четыре времени года повторили свои отправления*, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты...» [4, с. 374; курсив мой. – А. Г.]. Мотив *четырех времен года* – один из инвариантных тематических мотивов романа, поддерживающий и реализующий, со всеми его модификациями, *сезонную модель*. Мотив имеет многочисленные общекультурные и литературные претексты, «несет память» о них, актуализируя эту память в той или иной степени в конкретных сюжетных ситуациях.

При этом мотив *четырёх времен года* вписан не только в «обломовский текст» романа, он возникает и в программном признании Штольца, выражающем его представление о «норме жизни», и отразившем, как принято считать, авторское жизненное кредо. «Он <Штолец> говорил, что “нормальное назначение человека – прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них”» [4, с. 163]. Эта важнейшая жизненная декларация, взятая вне контекста, может быть прочитана и как обломовская, демонстрируя потенциалы сближения и гармонизации семантических оппозиций в романе и жизненных принципов персонажей-антагонистов. Совершенно по-обломовски звучат в этом штольцевском монологе не свойственные его живой, разговорной (и иронической) стилистике риторика и пафос.

Помимо стратегий деисторизации описанных явлений на уровне *календаря* Гончаров активно прибегает и к системе умолчаний в репрезентации историко-социальных реалий. Так, отдельные ситуации и мотивы, связанные с общей концепцией центрального персонажа, что само по себе исключительно важно, остались в романе «темными». Их неотчетливость в данном случае намеренно привносится в повествование, что становится очевидным, если проследить развитие этих мотивов от рукописи к окончательному тексту. Самыми показательными в этом плане являются ситуации с получением Обломовым аттестата о высшем образовании и классного чина коллежского секретаря [6; с. 496–501]; ср.: «Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, – читаем в начале 5-й главы первой части романа, – безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге» [4, с. 54]. Обломова, как мы помним, вместе с Андреем Штольцем родители отправили получать образование в Москву, и Штолец предстает в романе успешным выпускником Московского университета. Указания в тексте на его университетское образование определены, конкретны и содержательно исключительно важны. «Университета русского» пытливого студенту Андрею Штольцу оказалось недостаточно. Вкусив «нашей премудрости», он,

как будто с целью гармонизации русского и немецкого начал в собственной образовательной программе, «смирненно сидел на студенческих скамьях в Бонне, в Иене, в Эрлангене» [4; с. 181–182], то есть в университетских аудиториях Германии, впрочем, не самых известных и знаменитых. Именованние университетов не может не быть в тексте романа семантически значимым. Немецкие университеты в русской литературной традиции успели ко времени создания «Обломова» приобрести определенный семантический ореол (включающий память о «геттингенской душе» пушкинского героя).

В рассказе о годах учебы Ильи Ильича в Москве речь ни разу впрямую не идет об университете, названо только некое «заведение» – неотчетливо, обобщенно, без тех смысловых акцентов, которые очевидны в повествовании об университетских годах Штольца. Университетская тема в прозе современников Гончарова, от Герцена до Тургенева и Достоевского, неизменно звучала остро актуально. Так, в тургеневских повестях и романах 1850-х годов одной из причин драмы «лишних людей» – Рудиных, уездных Гамлетов, Чулкатуриных – становится их умозрительное, головное, в российской реальности ставшее «лишним» образование. Обойти университетскую тему Гончаров в своем романе не мог, однако у него она дана вне исторической конкретности и социально-идейной напряженности. Выпускником Московского университета Гончаров своего главного героя сделать не решился.

Та же стратегия отказа от исторической конкретности, тот же принцип семантической релятивизации действует и при определении места службы, рода занятий, должности и чина Обломова. Разумеется, системы чиновничества Гончаров по опыту собственной службы не мог не знать. В российской социально-культурной реальности, в официальном и неофициальном обиходе и, соответственно, в литературе «семиотика чинов» имела исключительно важное значение, что не раз отмечал в своих работах Ю. М. Лотман [11, с. 236, 294]. Однако по тем данным, которые есть в тексте романа, определить происхождение чина Ильи Ильича не представляется возможным [6; с. 499–501]. Остается заключить, что условный чин Ильи Ильича и ситуация неопределенности в его приобретении составили

необходимый элемент общей характерологической *неопределенности* центрального персонажа.

Обсуждение и выводы

Гончаровский принцип генерализации при создании образа Обломова отчасти близок гоголевскому. Напомним наблюдения А. В. Михайлова: «Сама внешность Чичикова с его невероятно гладкими щеками и “приятной полнотой” есть знак той же *неопределенности*, – если учесть, что внешний образ героя в “Мертвых душах” всегда гармонирует и с его душевным миром и со средой, которую герой организует вокруг себя и которая не просто несет на себе отпечаток личности, но прямо продолжает личность, – как деревни Собакевича и Плюшкина характер каждого из них, – так что личность вовсе даже и не замкнута у Гоголя в своем теле, а беспрепятственно переносится на окружающее, до конца подчиняя его себе <...>. Гладкость щек, приятная полнота – признак “бесхарактерности”; но такая полнота – ее Гоголь, вполне естественно, не раз обыгрывает чисто иронически – это у Гоголя и знак вполне позитивный. От эмпирической и просто “буквальной” полноты как свойства Павла Ивановича Чичикова Гоголь прокладывает мостики к позитивному бытию, которое отмечено полнотой, переполненностью, преизобилием, сытостью...» [14, с. 317; курсив мой. – А. Г.].

Неопределенность как определяющая черта внешности и характера персонажа акцентируется в первых же абзацах текста. «Это был человек лет тридцати двух–трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с *отсутствием* всякой *определенной* идеи, всякой *сосредоточенности* в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. <...> Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а *безразличный*...» [4, с. 5; курсив мой. – А. Г.]. С точки зрения гоголевских проекций, прежде всего его известной «фигуры фикции» («ни толстый, ни тонкий») [2, с. 80], особенно показательны здесь, безусловно, – «ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный...».

Воплощает сущность обломовской *неопределенности* один из двойников героя – бескачественный Алексеев («человек без свойств»), о котором узнаем: «...одни говорили, что он Иванов, другие звали Васильевым или Андреевым, третьи думали, что он Алексеев. Постороннему, который увидит его в первый раз, скажут имя его – тот забудет сейчас, и лицо забудет; что он скажет – не заметит. Присутствие его ничего не придаст обществу, так же как отсутствие ничего не отнимет от него. Остроумия, оригинальности и других особенностей, как особых примет на теле, в его уме нет» [4, с. 29]. Выразительна и характеристика Алексеева в первоначальной редакции: «...праздная форма, которую природа пустила гулять по белу свету, забыв влить в нее содержание» [5, с. 29]. Этот далеко не комический обломовский двойник открывает в главном герое (и человеке вообще) сознаваемые автором онтологические глубины человеческой пустоты. И это тоже, пожалуй, гоголевский след в прозе Гончарова. Правда, Обломов, в отличие от Алексева, вполне самодостаточен, его состояние покоя обладает полнотой и *сытостью*, если использовать метафору А. В. Михайлова. На Алексееве в романе испытываются потенциалы стратегии *не-именования*.

Мы привели только ряд примеров, иллюстрирующих функции отдельных историко-культурных реалий в романе. Почти каждая из них в гончаровской прозе, что, несомненно, определяет ее художественную специфику, приобретает благодаря авторской тенденции к деисторизации и универсализации описываемых явлений свою тематизирующую и сюжетогенную функцию. И нельзя сказать, что данная особенность поэтики Гончарова в достаточной степени изучена.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Белый А. Мастерство Гоголя. – М.; Л.: ОГИЗ – ГИХЛ, 1934. – 324 с.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 221 с.
4. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 1998. – Т. 4. – 492 с.
5. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 5. – 493 с.
6. Гродецкая А. Г. Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов и кто такая Милитриса Кирбительвна... // Гончаров И. А. Обломов. Роман в четырех частях / статья и примеч. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2012. – С. 496–505.

7. Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 3–6. EDN: REFUIF
8. Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов»: (К истории вопроса) // Русская литература. – 2002. – № 3. – С. 38–43.
9. Лихачев Д. С. Нравоописательное время у Гончарова // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – С. 299–305.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
11. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
12. Максимов В. Е. И. А. Гончаров // Максимов В. Е. Очерки по истории русской литературы 40-х – 60-х годов. Натуральная школа. (Тургенев, Гончаров, Островский, Герцен, Некрасов и др.). – СПб., 1912. – С. 133–183.
13. Мережковский Д. С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 903 с. – (Лит. памятники).
14. Михайлов А. В. Обратный перевод. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 856 с.
15. Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – 448 с. EDN: QXHLQV
16. Недзвецкий В. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту: Учеб. пособие. – М.: МГУ, 2010. – 224 с. EDN: RBVMKX
17. Пильщиков И. А. Стандарты современного филологического комментария // Комментарий исторического источника: Исследования и опыты. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 36–45.
18. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 847 с.
19. Пырклов И. В. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: Особенности ритмического построения // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции. – Ульяновск: Печатный двор, 1998. – С. 158–172.
20. Савинков С. В. Неоконченность и окончательность: о формах бытия гоголевского человека // Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. – М.: Изд-во Кулагиной –Интрада, 2010. – С. 92–108. EDN: RZJXYV
21. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2010. – 336 с. EDN: QUOBF
22. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. – М.: АН СССР, 1950. – 492 с.
23. Чуйко В. В. «Лучше поздно, чем никогда» // И. А. Гончаров, его жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. – М.: Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко. – 1912. – С. 278–291.

Anna G. Grodetskaya

Realities in "Obломov": The Strategies of Dehistoricization

The article examines a number of historical and cultural realities in the novel "Obломov" from the point of view of their semantic and functional features. The social and objective world of the text act as valuable carriers of cultural memory, at the same time constituting part of the overall plot concept, a single semantic whole. The tendency towards broad generalizations, universalization and symbolization is organic to Goncharov's poetics, that has been repeatedly noted in criticism and scientific literature. In the character sphere, the generalizing tendency forms "symbolic types" (A. F. Losev), or supertypes; in the sphere of everyday life and things, it elevates separate details, objects, and situations to the level of a symbol. This tendency also determines the general strategy of dehistoricization

of the narrative, the creation of conditional (achronic) textual time, in which external and internal dating lose relevance in the movement of the plot. Most of the socio-historical realities in Goncharov's novels, and not only in *Oblomov*, are presented as recurring, ritualized, and not chronologically specified phenomena. The architectonics of Goncharov's text are also built on internal structural repetitions, rhythms and cycles. The article demonstrates, at the level of details and microplots, various strategies that perform the function of dehistoricizing the narrative, including naming (signification) and non-naming of the image object, a system of paralipsis in its representation.

Key words: I. A. Goncharov, "Oblomov", realities in text, scientific commentary, textual time, author's strategies, symbolization, historicization and dehistoricization.

For citation: Grodetckaya, A. G. (2023) Realii v "Oblomove": strategii deistorizatsii [Realities in "Oblomov": The Strategies of Dehistoricization]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 43–56. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_43. EDN: DPBREK

References

1. Bahtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
2. Belyj, A. (1934) *Masterstvo Gogolya* [Gogol's Mastery]. Moscow, Leningrad: OGIZ – GIHL Publ. (In Russian).
3. Ginzburg, L. Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [About a Literary Hero]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
4. Goncharov, I. A. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
5. Goncharov, I. A. (2003) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
6. Grodeckaya, A. G. (2012) Gde uchilsya, kem sluzhil Il'ya Il'ich Oblomov i kto takaya Militrisa Kirbit'evna... [Where did study, whom did serve Ilya Ilyich Oblomov, and who was Militrisa Kirbit'evna...]. *Goncharov, I. A. Oblomov. Roman v chetyrekh chastyah. Stat'ya i primechaniya A. G. Grodetckoj* [Goncharov I. A. Oblomov. Novel in four parts. Article and notes by A. G. Grodetckaya]. St. Petersburg: Pushkinskij Dom Publ. Pp. 496–505. (In Russian).
7. Guz', N. A. (2013) Ritmicheskaya organizatsiya v romanah I. A. Goncharova [Rhythmic organization in the novels of I. A. Goncharov]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya – World of science, culture, education*. No. 4 (41). Pp. 3–6. (In Russian). EDN: REFUIF
8. Il'inskaya, T. B. (2002) *Kategoriya vremeni v romane «Oblomov»*: (K istorii voprosa) [Category of Time in the Novel «Oblomov»]: (On the History of the Issue)]. *Russian literature – Russkaya literatura*. No. 3. Pp. 38–43. (In Russian).
9. Lihachev, D. S. (1979) *Nravoopisatel'noe vremya u Goncharova* [Moralsdescriptive Time in Goncharov]. *Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury* [Likhachev, D. S. Poetics of Old Russian Literature]. 3-e izd., dop. [3rd ed., add.]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 299–305. (In Russian).
10. Losev, A. F. (1995) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of symbol and realistic art]. 2-e izd., ispr. [2nd ed., rev.]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
11. Lotman, Yu. M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol': Kniga dlya uchitelya* [At the school of poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol: A Book for a teacher]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
12. Maksimov, V. E. (1912) *I. A. Goncharov. Maksimov V. E. Ocherki po istorii russkoj literatury 40-h – 60-h godov. Natural'naya shkola. (Turgenev, Goncharov, Ostrovskij, Gercen, Nekrasov i dr.)* [Maksimov V. E. Essays on the history of Russian literature of the 40s – 60s. Natural school. (Turgenev, Goncharov, Ostrovsky, Herzen, Nekrasov, etc.)]. St. Petersburg. Pp. 133–183. (In Russian).
13. Merezhkovskij, D. S. (2007) *Vechnye sputniki: Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal Companions: Portraits from World Literature]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
14. Mihajlov, A. V. (2000) *Obratnyj perevod* [Reverse Translation]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).

15. Molnar, A. (2012) *Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova* [Prose Poetry in the Works of Goncharov]. Ulyanovsk: Korporaciya tekhnologij prodvizheniya Publ. (In Russian). EDN: QX-HLQB
16. Nedzveckij, V. A. (2010) *Roman I. A. Goncharova «Oblomov»: Putevoditel' po tekstu: Uchebnoe posobie* [I. A. Goncharov's Novel «Oblomov»: Guide to the Text: Textbook]. Moscow: MCGU Publ. (In Russian). EDN: RBBMKX
17. Pil'shchikov, I. A. (2008) *Standarty sovremennogo filologicheskogo kommentariya* [Standards of modern philological commentary]. *Kommentarij istoricheskogo istochnika: Issledovaniya i opyty* [Commentary on a historical source: Research and experiments]. Moscow: institut vsemirnyh issledovanij RAN. Pp. 36–45. (In Russian).
18. Pumpyanskij, L. V. (2000) *Klassicheskaya tradiciya: Sobranie trudov po istorii russkoj literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).
19. Pyrkov, I. V. (1998) *Roman I. A. Goncharova «Oblomov»: Osobennosti ritmicheskogo postroeniya* [I. A. Goncharov's novel «Oblomov»: Features of rhythmic construction]. *I. A. Goncharov* [I. A. Goncharov]. Materials of International conference. Ulyanovsk: Pechatnyj dvor Publ. Pp. 158–172. (In Russian).
20. Savinkov, S. V. (2010) *Neokonchennost' i okonchatel'nost': o formah bytiya gogolevskogo cheloveka* [Incompleteness and finality: on the forms of existence of Gogol's man]. Savinkov, S. V., Faustov, A. A. *Aspekty russkoj literaturnoj harakterologii* [Aspects of Russian literary characterology]. Moscow: Kulagina–Intrada Publ. Pp. 92–108. (In Russian). EDN: RZJXYV
21. Stepanov, Yu. S. (2010) *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. 2-e izd. [2nd ed.]. Moscow: Knizhnyj dom Librokom Publ. (In Russian). EDN: QUOBIF
22. Cejtin, A. G. (1950) *I. A. Goncharov*. Moscow: AN SSSR Publ. (In Russian).
23. Chujko, V. V. (1912) «Luchshe pozdno, chem nikogda» [«Better late than never»]. *I. A. Goncharov, ego zhizn' i sochineniya. Sb. istoriko-literaturnyh statej; sost. V. I. Pokrovskij* [I. A. Goncharov, his Life and Works: Collection of historical and literary articles; comp. V. I. Pokrovsky]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko. Pp. 278–291. (In Russian).

Об авторе

Гродецкая Анна Глебовна, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

About the author

Anna G. Grodetskaya, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of Russian Academy of Science, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

дата получения: 20.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 20 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023